

УДК 821.112.2.0-3

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ

Н.В. РОЖКОВА*Орловский государственный
аграрный университет**e-mail: more-nz@mail.ru*

Осмысление роли детства как важного этапа формирования личности произошло в истории цивилизации сравнительно недавно, что является показателем роста самосознания человечества. Каждая культурно-историческая эпоха вырабатывала собственный взгляд на детей, детство, методы воспитания и т.д. В творчестве Германа Гессе тема детства является сквозной и весьма значимой для понимания особенностей мировоззрения и художественного метода писателя. В статье представлен анализ образно-символической составляющей его произведений, посвящённых теме детства, проблемам воспитания и образования, взаимоотношениям представителей разных поколений.

Ключевые слова: детство, формирование личности, самопознание, проекции личности автора, мироощущение ребёнка.

Каким в памяти взрослого человека выглядит его детство? Конечно, многое зависит от возраста, конкретных условий жизни, состояния здоровья, мироощущения в данный момент – и одновременно ни от чего. В языке и нашей памяти запечатлелись «счастливая пора», «детская радость», «счастливый детский смех», «школьные годы чудесные», а массовая культура предлагает глянецовые образы беззаботного детства. В некоторой степени это так и есть, ведь если спросить пожилого или взрослого человека о детских впечатлениях или воспоминаниях, он обязательно расскажет что-то яркое, светлое, радостное, то, что память услужливо отложила в Копилку Жизненных Сил. И не важно, что это – любимый велосипед, подаренный отцом, книга, прочитанная с мамой перед сном, или запах бабушкиных пирожков – всё важно, неповторимо, невозвратно и прекрасно.

Почему же тогда И. Кант высказался следующим образом: «Многие думают, что детство было самым лучшим и приятным временем их жизни. Но это не так. Это самые тяжёлые годы, поскольку тогда человек находится под гнётом дисциплины и редко может иметь настоящего друга, а ещё реже – свободу»¹.

Давно известное явление – дети с завистью смотрят на взрослых, а взрослые на детей – имеет серьёзные мировоззренческие и социально-психологические причины. Не будем повторять те результаты социально-философского и культурно-исторического осмысления статуса ребёнка в обществе, роли детства в социокультурной истории человечества и человека, так как это достаточно детально, с опорой на зарубежные и отечественные источники сделано, например, в многочисленных работах И.С. Кона, статьях И.В. Носко «Детство как комплексная проблема» и Э.А. Куриленко «Историческая эволюция детства. Социокультурный контекст» (см. Список литературы). Напомним лишь, что каждая культурно-историческая эпоха демонстрировала уникальную картину отношения к детству, причём общая тенденция изменений от отсутствия интереса и суровости к детям через понимание уникальности этого этапа становления личности к проникновению в глубины детской психологии является иллюстрацией мысли З.М. Оруджева о постепенной гуманизации человеческого сообщества и аксиосферы культуры.

Постараемся выявить художественные принципы и подходы к изображению картин детства и образов детей в творчестве немецкого писателя Г. Гессе, а также ответить на вопрос о том, какой мировоззренческий и личностный смысл для творческой личности имеет «впадание» в собственное детство и обращение к детской тематике вообще, в чём смысл воспоминаний о родителях и родном доме и т.д. Герман Гессе удивительно часто обращается к затронутой нами теме, но на разных этапах творчества – под разным углом зрения, с разным эмоционально-образным наполнением, что обусловлено трансформа-

¹ Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: – ОЛМА-ПРЕСС, 2007. – Автор-составитель В. Балязин. – С.474.

циями внутреннего мира автора. Его творчество имеет выраженный педагогический компонент, доказательством чему является написанная и защищённая диссертация «Педагогические взгляды Германа Гессе» (автор Романова Г.В., 2006 год). Спектр затронутых в художественно-публицистическом творчестве Гессе проблем воспитания и образования, взаимоотношений в семье, вопросов преемственности необыкновенно широк. В его эссе и статьях встречаются весьма общие рекомендации, например, о нежелательности насильственного выбора круга чтения даже для самых несведущих читателей: «Детей и очень молодых людей никогда нельзя принуждать к определённому чтению; так на всю жизнь можно испортить им прекраснейшие произведения и настоящее чтение вообще»². Есть и целые произведения, в значительной мере посвящённые проблемам воспитания, самовоспитания и формирования личности. К их числу, на наш взгляд, следует отнести рассказы и сказки «Август», «Детство волшебника», «Детские годы Франциска Ассизского», повести «Под колесом», «Душа ребёнка», «Росхальде», «Сиддхартха», роман «Игра в бисер», но этот обширный список можно продолжить.

В первом приближении-прочтении прозаических произведений Гессе бросается в глаза их автобиографичность, либо дотошно-полная, либо частично-избирательная, но всегда наглядная, легко определяемая. Персонажи-мальчики учатся в тех же учебных заведениях, что и сам автор, изучают те же предметы, иностранные и древние языки, читают те же книги, так же увлекаются музыкой, остро переживают конфликты с родителями и наставниками, в свой черёд совершают глупости и живо чувствуют всё благородное, прекрасное, возвышенное. Но это наблюдение не может исчерпывать значимости сквозной темы в творчестве писателя такого масштаба, как Герман Гессе. Более интересны приёмы символизации, раскрывающие глубины внутреннего мира писателя и в то же время отражающие идейно-смысловые доминанты культурно-исторической эпохи. Анализ символично-архетипической составляющей творчества Гессе предпринимался на материале разных произведений, особенно часто исследователи творчества немецкого классика делают это в юнгианском ключе, учитывая наработанный материал об архетипах (их проявление и развитие можно вычленивать в творчестве Гессе) и личные связи великого писателя и великого психолога и философа. Например, в развёрнутом послесловии к сборнику статей и эссе Гессе о книгах и писательстве Александр Науменко выделяет ведущий, по его мнению, архетип «книжного человека» и книги, который определяет всю творческую биографию Германа Гессе. При этом раскрытие темы детства представляет собой реализацию одной из граней этого архетипа: «Самость» в детстве тождественна всей личности ребёнка, в которой Я ещё не отличает себя от окружающего мира, ещё слито с ним. Символ ребёнка, один из важнейших в мифологиях и религиозных свидетельствах как главное воплощение «самости», истинной веры, – центральный в творчестве Гессе...»³ Что касается «книжного комплекса», выделяемого А. Науменко, архетип самости в образе ребёнка преломляется в теме «непредвзятости» и «простодушия», необходимых для результативного чтения как одной из ипостасей личностного роста, творчества.

Если принять за основу эту точку зрения и «приложить» всю детскую тематику к архетипу самости, возникает резонный вопрос: почему в нескольких значимых, этапных произведениях дети умирают («Под колесом», «Росхальде»), оказываются брошенными («Клейн и Вагнер») либо сами бросают родителей («Сиддхартха»), а в романе «Игра в бисер» мальчик-воспитанник становится причиной гибели главного героя, бывшего магистра Игры Йозефа Кнехта? Поэтому, на наш взгляд, простой схематизацией в данном вопросе не обойтись. Обратимся к анализу конкретных произведений и постараемся выделить приёмы изображения детей и их внутреннего мира в произведениях Германа Гессе. Повесть «Под колесом», написанная в 1903-1904 годах, рассказывает историю одарённого подростка, которого просто «заучили», лишили детства с его играми и забавами, заменив их на древнегреческий и математику. Способности к наукам оказываются для Ганса Гибенрата роковыми, потому что рядом не нашлось ни одного по-настоящему вни-

² Гессе Г. Магия книги. Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с немецкого. – М.: Книга, 1990 – С.98.

³ Там же. – С.175.

матерного взрослого, заметившего приближающуюся катастрофу. Показательно, что мать Ганса давно умерла, а погибает мальчик, утонув в реке, что на символическом уровне можно считать возвратом в материнское лоно, в воды Реки Жизни. Ответственность за гибель талантливого, но слабого здоровьем мальчика автор возлагает на бездушную потогонную систему образования, в которой никому нет дела до индивидуальных особенностей и интересов школьников, и на недалёкого отца, который не уберёт подающего надежды сына. Повесть имеет остросоциальное звучание, так как отношение к ребёнку является показателем уровня культуры, и если задача системы образования состоит лишь в подготовке «полезных членов общества» путём муштры, казармы, то это общество не вызывает восторга ни у автора, ни у читателей. Но даже сквозь авторскую позицию, обозначенную в тексте довольно ясно и однозначно, просматривается и возможность иного прочтения-осмысления повести. Дело в том, что в разных произведениях Германа Гессе персонажи-мальчики – это, можно сказать, субличности автора, проецирующие его устремления и потребности на разных этапах развития. Немецкий писатель находился под серьёзным влиянием психоанализа, предложившего принципиально новые и эффективные методы проникновения в глубины сознания и подсознания. Сочетание психоаналитической практик с художественным творчеством позволяли Г. Гессе решать ряд задач, главной из которых на всех этапах творческого пути писателя было самопознание.

Вводя в свои произведения разные проекции собственной личности, Гессе рассматривает проблему с разных точек зрения, стремится преодолеть однобокость и субъективизм в понимании проблемы детства. Иллюстрацией к нашему тезису является, например, система образов в повести «Под колесом», где главный герой Ганс выбирает в друзья Гейльнера, способный и послушный мальчик оказывается под влиянием нигилиста, нарушителя дисциплины и лентяя. Налицо конфликт двух ипостасей личности Гессе-подростка, убежавшего из школы и ночевавшего в стогу сена и одновременно хорошо учившегося и проявлявшего большой интерес к филологии. В конце повести прилежный Ганс тонет в реке, а Гейльнер продолжает пирушку с друзьями: внутренний выбор сделан, Ганс оказался не жизнеспособен, а Гейльнер поможет своему создателю продолжить путь к самости. Схожая борьба точек зрения на более высоком в мировоззренческом смысле уровне представлен в прекрасной повести о сути художественного творчества «Нарцисс и Гольдмунд». Здесь Гессе решает очень сложную проблему: каков истинный путь постижения Духа, что более ценно для его внутреннего опыта – религия или искусство? И опять дружат и спорят (но уже на протяжении всей жизни) два мальчика, каждый из которых одарён по-своему. И здесь уже более зрелый, способный к диалектике мышления и восприятия жизни во всём её многообразии Герман Гессе приходит к выводу о том, что каждый путь приемлем, каждый тернист и прекрасен по-своему, но важно не ошибиться и выбрать свой единственно возможный.

В романе «Степной волк» тема детства возникает как второстепенная, но здесь мы уже видим три проекции личности автора: Гарри Галлер встречается на маскараде со своей возлюбленной Герминой, которая вдруг превращается в друга детства Германа, почти забытого, но, как оказалось, такого значимого и любимого. Все приведённые выше примеры симптоматичны, так как налицо усложнение и одновременно упорядочивание внутреннего мира писателя, которого занимает идея андрогинности. Встреча с Германом и Герминой свидетельствует о желании восстановить целостность личности, её внутреннего мира, раздираемого острыми противоречиями и даже пагубными влечениями. В романе «Сиддхартха» главный герой неожиданно обнаруживает, что у него есть уже взрослый сын, и ему открывается целый мир любви к ребёнку, забот о нём и – неспособности воспитать его достойным и счастливым человеком. Интересно, что к моменту написания этой популярной повести Г. Гессе уже имел трёх сыновей и «познакомился» с ролью отца. Возможно, поэтому в зрелых и поздних работах писателя образы родителей не так беспощадны и однозначны, а тон описаний и воспоминаний становится мягче, проникновеннее и *благодарнее*.

Самой «психологическим» произведением о детстве можно считать повесть «Душа ребёнка», которую вполне сравнима по глубине и напряжённости тона повествования с произведениями Л. Н. Толстого на аналогичную тему. Обоих писателей, на наш взгляд, объединяет **принцип психологической достоверности**, реализованный ими при

изображении образов детей и раскрытии «детской» темы. Гессе так же скрупулёзен и правдив в описаниях движений души мальчика и повествует о внутренних бурях, о настоящем бунте и против родителей, и против Бога, которые вовсе не исключают (а, скорее, предполагают) искреннее стремление к идеалу, нравственным и эстетическим высотам, к миру и согласию с близкими и друзьями. Поразительно неведение взрослых, умных и нравственно зрелых людей, не подозревающих о богатстве и опасностях напряжённой внутренней деятельности растущей души. Все **события** души мальчика (кража, страх разоблачения, драка с другом, дерзкий диалог с Богом, решающий разговор с отцом) – это его **со-бытие** с другими, с собой, с трансцендентным в режиме предельного напряжения всех духовных и душевных сил. Но если русский классик неоднократно подчёркивал близость ребёнка природе, чистоту и простодушие (т.е. **простоту души**), то немецкий писатель скорее согласился бы с К. Бальмонтом, который писал: «...слепцы думают, что детские души простые, как они думают, что Природа есть образец простоты. Но природа, каждый день создающая новые закаты и каждое утро находящаяся в безбрежном творчестве, есть воплощенная сложность, а не простота. Природа бежит простоты, как бежит пустоты. И детские души сложны, утончены, душа ребёнка извилиста, детская душа – лабиринт...»⁴

На этом этапе творчества у Германа Гессе хватает духовных сил, чтобы признать важнейший факт: детство не радужно-счастливая пора жизни, а время, полное забот, одиночества, страстей, борьбы, которые перемежаются моментами полного и абсолютно счастья, которое ни с чем нельзя перепутать, как нельзя и забыть. Но в более поздних произведениях Гессе возникает иной мотив: подросток тяжело переживает своё недетское уже состояние души, это своеобразное преломление темы потерянного рая, той истине чудесной гармонии с миром, которая возможна лишь в детстве. Кроме того, взрослые герои, достигшие высот Духа, становятся похожими на детей (Васудева в «Сиддхартхе», старый учитель музыки в «Игре в бисер», Август в одноимённой сказке и другие). Эти персонажи Гессе вернулись к невинности в соответствии с законом диалектики, ведь, как пишет Г. Иванченко, «...К невинности можно вернуться долгим путём через святость, но её невозможно сохранить, сохраняя, – таково одно из возможных прочтений евангельской притчи о слуге, зарывшем талант в землю. В состоянии невинности отсутствует возможность коммуникации с трагическим (с трагической мудростью). Человек изолирован от трагических аспектов своего существования. Это жизнь Филемона и Бавкиды, превращённых богами в деревья»⁵. Это состояние второго детства можно назвать совершенным, но у него есть одно важное свойство: «совершенство здесь удивительным образом не имеет возможности совершенствоваться», это, по сути, результатно-тупиковое состояние личности, так как вечная невинность статична, и, следовательно, противоестественна, она противоречит сущности и смыслу человеческого бытия. В разных вариантах и с разными смысловыми акцентами произведения Германа Гессе могут служить художественной иллюстрацией притчи о блудном сыне, с той лишь разницей, что возвращение происходит не к другому человеку, а к самому себе, а это и означает для Гессе новое обретение родного дома, духовных основ, порядка и гармонии. Это и есть путешествие от себя через волнения и испытания жизни к своему истинному «я», самости, ядру личности, которое зарождается и формируется именно в детстве.

Уход из светлого мира детства сопровождается необходимой **мифологизацией мироощущения ребёнка**: детство, будучи моментом «закладки» свойств и возможностей личности, по определению является периодом столкновений с внешним миром и другими людьми, период закономерных проб и ошибок, страхов и сознания собственной слабости. Но с течением времени «проступают», осознаются преимущества беззаботности, здоровья, радости самым обыкновенным вещам, которые объясняются одним единственным фактом: в детстве вся жизнь впереди, смерть как таковая пока только слово, лишённое коннотативного компонента. В течение жизни ребёнок и взрослый дважды меняются местами, осознавая недостаточность, неидеальность своего состояния: ребёнка не хватает свободы, а взрослый понимает, что именно в детстве он был по-настоящему

⁴ Бальмонт К. Морское свечение. СПб; М.:Т-во Вольф, 1910. – С.187.

⁵ Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – С. 143.

свободен. Но безгрешно счастлив может быть лишь ребёнок, а взрослый констатирует с тоской: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Именно **процесс идеализации детства**, который с психологической точки зрения выступает в роли компенсаторного механизма, помогающего преодолевать негативные и кризисные состояния психики, нашёл своё художественное воплощение в творчестве Германа Гессе. Обращает на себя внимание и тот факт, что полной мифологизации сознания и мировосприятия у Гессе не происходит. Немецкий писатель принимает неизбежность взросления, но его влечёт всё прекрасное, незамутнённое, совершенное, а ребёнок, как пишет А. Дугин в своих рассуждениях о совершенном человеке, – это «символ полноты, а не ущербности. Символ полного и абсолютного совершенства. Символ золотого века. Лучезарный светоносный младенец»⁶.

Особого внимания заслуживают произведения, в которых представлены радикальные способы решения проблем, связанных с детьми, это повести «Под колесом» и «Росхальде», где умирают дети, повесть «Сиддхартха», где сын покидает отца навсегда, и роман «Игра в бисер», финал которого – смерть главного героя, Йозефа Кнехта, связана с ребёнком. Смерть как предельное итоговое событие жизни имеет в художественном творчестве особое символическое значение. А. Науменко считает, что кризисные состояния души в произведениях Гессе начинают «сублимироваться и принимать образ символической смерти – магического преодоления раздвоенности сознания, новых рождений личности и «путь вовнутрь», путь к «самости». Насыщенный богатейшими архетипическими смыслами образ смерти в лоне матери-природы пройдёт почти через все произведения писателя»⁷. В «Сиддхартхе» биологической смерти мальчика нет, но он уходит в мир навсегда, налицо духовное разъединение отца и сына, что тоже можно считать своеобразным аналогом смерти. При всей банальности жизненный урок, полученный мыслителем, философом Сиддхартхой при общении с сыном, очень важен: отец не смог справиться с собственной любовью, баловал мальчика, понимая, что наносит ему вред. Если рассматривать сына как одну из проекций личности отца, то становится понятным, что мальчик воплощает страсти и подспудные терзания аскета Сиддхартхи. Сознательный отказ от мирской жизни неизбежно влечёт потери и внутреннюю борьбу. Человек может победить собственные страсти, но на определённых этапах может возобладать потребность в любви и страданиях, которые дают истинное счастье и полноту бытия.

Смерть детей в повестях «Под колесом» и «Росхальде» символизирует крушение надежд и неких жизненных перспектив, своеобразное подведение промежуточных итогов жизни или её отдельного периода. В повести «Под колесом» вместе с одарённым мальчиком автор «убивает» надежды общества на процветание, а в «Росхальде» смерть младшего ребёнка лишает семью всякой надежды на воссоединение. Таким образом, образы детей в обеих повестях символизируют значительный творческий либо преобразовательный потенциал, не реализованный по ряду причин.

Наиболее сложное преломление «детской» темы предстаёт перед нами в романе «Игра в бисер». В целом роман представляет собой попытку решения сложнейшей проблемы возрождения и обновления духовно-нравственного и творческого потенциала европейской культуры, причём эта тема неразрывно связана с проблемами воспитания и образования. Магистр Игры Йозеф Кнехт проходит путь от безвестного мальчика до главы мощной духовно-интеллектуальной структуры. Всё богатство и многообразие его внутренних открытий и достижений синтезируется в прощении об отставке, написанном под влиянием необходимости сделать рискованную попытку примирения двух чётко разграниченных в романе миров: мира реального и Касталии, провинции Духа и Игры. Нехитрый итог, к которому приходит великий магистр, звучит как предостережение современным обществам и государствам: «учителя нам нужнее, чем всё другое, люди, которые, прививая способность молодёжи находить верные критерии, служат ей образцом благоговения перед истиной, повиновения Духу, служения слову. И это относится не только к

⁶ Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – С.53.

⁷ Гессе Г. Магия книги. Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с немецкого. –М.: Книга, 1990. – С.188.

нашим элитным школам., это относится к школам мирским, некастальским, где воспитываются и обучаются будущие горожане и крестьяне, ремесленники и солдаты, политики, офицеры и властители, пока они ещё дети и поддаются обучению. Там – основа духовной жизни страны, а не в семинариях и не в Игре в бисер»⁸.

Приведённая выше цитата, как и роман «Игра в бисер» в целом демонстрируют довольно неожиданную коллизию: написав роман об игре как духовном и социокультурном феномене, Герман Гессе в известной мере предсказал её роль в культуре постмодернизма, характеризуемого отказом от тех самых **критериев**, в поисках которых человечество провело не одно тысячелетие. Писатель, переживший две мировые войны, понимает, насколько необходимы человеку и обществу нормы, позволяющие обозначить водоразделы между добром и злом, истиной и заблуждением. Ещё не наступивший хаос постмодернистского сознания страшит немецкого мыслителя, получившего в детстве представление о давно оформившихся принципах и ценностях христианского мировоззрения.

В романе неоднократно подчёркивается «младенческий» характер существования кастальцев, их невинное духовное бытие, их Игра, их музицирование и работа в архивах не имеют практически никакой связи с реальностью. Дух так высоко витает над миром, что практически не одухотворяет его. Йозеф Кнехт бросается в холодное озеро за мальчиком, желая догнать саму жизнь во всех её противоречиях и страданиях, поэтому гибель магистра закономерна: воды жизни оказались слишком холодными, столкновение с реальностью – последним подвигом. Заслуживает отдельного внимания одна сцена: перед тем, как броситься в холодное горное озеро, будущий воспитанник Йозефа Кнехта при виде восходящего солнца исполняет своеобразный дикарский танец, символизирующий полноту жизненных сил, радость простого физического бытия, восхищение перед мощью и красотой природы, а бывший магистр игры лишь смотрит на него с любовью и удивлением. Мальчик остаётся жить, чтобы его духовное дикарство неизбежно преобразилось под влиянием любви, благоговения и чувства вины перед погибшим учителем: «И в то время как он, всем доводам вопреки, ощущал свою совинность в смерти учителя, его охватил священный трепет от предчувствия, что эта вина преобразит его самого и его жизнь и потребует от него куда большего, чем он сам когда-либо от себя требовал»⁹. Именно так погибающий Дух оказывается способным преобразовать человеческое бытие, доказав своё бессмертие.

Подводя предварительный итог размышлениям о «детской» тематике в творчестве Г. Гессе, следует отметить, что образы детей в произведениях разных лет и жанров являются своеобразным результатом самообследования, которому автор периодически подвергает свою душу и динамику внутриличностного преобразования. Образы детей возникают в переломные моменты духовной и творческой биографии писателя и несут серьёзную символическую-психологическую нагрузку.

Изменение социокультурного статуса детства от полного безразличия в отношении к ребёнку через удивлённый интерес к осмыслению уникальности и противоречивости этого периода человеческой жизни свидетельствует о росте самосознания человечества. На современном этапе развития цивилизации субъект-объектные отношения «воздействий» и «формирований» между взрослыми и детьми, в которых младшим отводилась роль страдательная и подчинённая, исчерпали себя, что косвенно подтверждается неэффективностью системы образования, стандартных воспитательных мер, а также рождением детей индиго, ростом числа детей с необычными способностями и т.д. Педагогике, искусству, философии предстоит внести свой вклад в переосмысление значимости детства как разновидности прошлого и тех психических процессов, которые позволяют эффективно решать проблемы настоящего. По справедливому замечанию К.Г. Юнга, каждый взрослый носит в себе вечного ребёнка как «...нечто всё ещё становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании. Это –

⁸ Гессе Г. Собрание сочинений в 4 т/ Г.Гессе Пер с нем. – СПб.: Северо-Запад. 1994. – Т.4. – С. 346.

⁹ Там же. С.408.

часть человеческой личности, которая хотела бы развиваться в целостность. Однако человек нашего времени далёк от целостности как небо от земли»¹⁰.

Список литературы

1. Бальмонт К. Морское свечение. СПб; М.: Т-во Вольф, 1910.
2. Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах/ Г.Гессе Пер с нем.// Спб.: Северо-Запад. 1994.
3. Гессе Г. Магия книги. Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с немецкого. – М.: Книга, 1990, 238 с.
4. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: – ОЛМА-ПРЕСС, 2007. – Автор-составитель В. Балязин. – 848 с.
5. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). Автор(ы): Кон И.С. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с.
6. Кон И.С. Возрастной символизм и образы детства. Доклад на международном симпозиуме в Братиславе (1985) //Slovensky narodopis, 1986, t.34, N 1-2 (на словацком языке). Русс. текст в кн. Социологическая психология. М. – Воронеж, 1999. С.422-441.
7. Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики, 2004, Том 2, № 2. С.151-174.
8. З.М. Оруджев. Природа человека и смысл истории. М. Книжный дом «Либроком» , 2009, 448 с.
9. Иванченко Г.В. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. – 255 с.
10. Куриленко Э.А. Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект. // Социология, 1998, № 1.
11. М. Мид. Культура и мир детства. Избранные произведения. Составитель, автор послесловия и ответственный редактор И.С.Кон. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 429
12. Носко И.В. Детство как комплексная проблема. //Социальная работа в Сибири. Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004 – 180с. (с. 118 – 132).
13. Юнг К. Г. Конфликты детской души. – М., 1995. – 274 с.
14. Юнг К.Г. О становлении личности// Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. – 324 с.

IMAGES AND SYMBOLS OF CHILDHOOD IN THE PROSE OF HERMAN HESSE

N.V. ROZHKOVA

Oryol Stat Agrarian University

e-mail: more-nz@rambler.ru

Comprehension of the role of childhood as an essential stage of personality formation has occurred in the history of civilization relatively recently which is an indicator of growth of consciousness of mankind. Each cultural-historical period developed its own views on children, the childhood, education methods etc. The childhood in Hermann Hesse's works has been a recurring theme and is rather significant for understanding of peculiarities of the world-view and artistic methods of the writer. The article represents the analysis of figurative-symbolical component of

Hesse's works, devoted to the theme of the childhood, to the problems of education and upbringing and mutual relations of representatives of different generations.

Key words: childhood, personality formation, self-awareness, representation of the author's personality, mentality of a child.

¹⁰ Юнг К.Г. О становлении личности// Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. – С.209.